

**ВЗГЛЯДЪ НА КНИГИ И
ЖУРНАЛЬНЫЯ СТАТЬИ
КАСАЮЩІЯСЯ ИСТОРИИ РУССКАГО
НАРОДНАГО БЫТА**

1) Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, сочиненіе **Ө. Буслеева**. Спб. 1861. Томъ I. Русская народная поэзія. Томъ II. Древне-русская народная литература и искусство. (Изданіе **Д. Е. Кожанчикова**).

2) Калѣки перехожіе, сборникъ стиховъ и изслѣдованіе **П. Безсонова**. Москва. 1861. Часть I. Выпускъ I.

3) Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, составленный **Н. Варенцовымъ**. Спб. 1860. (Изданіе **Д. Е. Кожанчикова**).

4) **И. А. Худякова**. Великорусскія сказки. Москва. Выпускъ I. 1860. Выпускъ II. 1861. (Изданіе **К. Солдатенкова** и **Н. Щепкина**).

5) А. Н. Афанасьева. Народныя русскія сказки. Выпускъ I. 1858. Выпускъ II. 1859. Выпуски III и IV. 1860. Москва. (Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина).

6) Пѣсни собранныя П. В. Кирѣевскимъ, изданы обществомъ любителей російской словесности. Пѣсни Былевья. Выпускъ I. 1860. Выпускъ II. 1861. Москва.

7) Двѣ статьи г-жи Кохановской въ «Русской Бесѣдѣ» 1860 и 1861 г. 1) О русскихъ народныхъ пѣсняхъ. 2) Русскія боярскія пѣсни.

8) Сборникъ пѣсень П. И. Якушкина — въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1860.

9) Исторія Русской Словесности С. П. Шевырева.

10) Статья о свадебныхъ пѣсняхъ въ № 2 «Свѣточа» 1861.

Да не ужаснется нашъ читатель, взглянувши на длинный списокъ сочиненій, выставленныхъ нами въ заглавіи нашего библиографическаго обзора... Статья наша не затруднить его вниманія учено-

спеціальными изслѣдованіями, на которыя мы — говоримъ откровенно, и не присвоиваемъ себѣ никакихъ правъ. Въ дѣлѣ народнаго быта, со стороны его учено-исторической разработки, мы только люди искренно любящіе народный бытъ, глубоко сочувствующіе его разработкѣ литературной и ученой, а потому слѣдящіе усердно за этой разработкой, а слѣдовательно, болѣе или менѣе знакомые съ результатами ея, болѣе или менѣе способные оцѣнить ихъ значеніе... Тоже самое просимъ разумѣть и о другихъ обзорахъ нашихъ, которые будутъ относиться къ историческимъ ли чисто книгамъ и журнальнымъ статьямъ, къ изслѣдованіямъ ли бытовымъ, къ изданіямъ ли наконецъ памятниковъ.

Журналь нашъ мы назвали литературнымъ и политическимъ, а не учено-литературнымъ. Стало быть и спеціально-ученыхъ статей мы не обѣщали.

Но книги, статьи, изслѣдованія и самые памятники историческіе и бытовые, вышли уже въ наше время изъ почтеннаго, но

тѣснаго круга спеціальной учености и если не вошли еще вполнѣ, то постепенно все болѣе и болѣе входятъ въ общій кругъ образованія и духовныхъ интересовъ. Не одна наука владѣеть ими какъ было лѣтъ за десять назадъ и не одни адепты науки ими интересуются. Великая обобщительница духовныхъ интересовъ, литература, приняла ихъ наравнѣ съ наукою въ свое обладаніе... Доказательство этому есть, и притомъ очевидное, матеріальное: всѣ книги подобнаго рода печатаются и расходятся въ довольно большомъ, а нѣкоторыя, наиболѣе замѣчательныя въ значительно-большомъ количествѣ экземпляровъ, стало быть и читаются или по крайней мѣрѣ, хоть съ интересомъ просматриваются читающей массою.

Отдавать о нихъ какой либо, лишь бы конечно не невѣжественный отчетъ, становится вслѣдствіе этого одною изъ обязанностей литературнаго журнала.

Мы не обѣщали и не обѣщаемъ вообще библиографическаго отдѣла въ нашемъ журналѣ, въ прежнемъ его смыслѣ, т. е. въ

смыслъ перечня выходящихъ книгъ, — отъ книгъ важнаго содержанія до книгъ объ истребленіи клоповъ и таракановъ, перечня или совершенно сухого и бесполезнаго, весьма удобно замѣняемаго книгопродавческими объявленіями, или въ наше время уже недостойнаго серьёзнаго литературнаго журнала, т. е. перечня поверхностнаго въ отношеніи къ сочиненіямъ важнымъ и болѣе или менѣе скоморошескаго въ отношеніи къ плохимъ литературнымъ произведеніямъ и товару толкучихъ рынковъ. Положимъ, что Бѣлинскій писалъ иногда удивительныя страницы по поводу какой-нибудь «Прекрасной Астраханки», но то было иное время. Тогда еще и съ «прекрасными Астраханками» надобно было бороться во имя здраваго смысла и изящнаго чувства. Наше время уже, слава Богу, въ такой борьбѣ не нуждается, въ наше время не стоитъ бороться даже и съ повѣстями «Вѣка» и съ повѣстями разныхъ дамъ, печатающихъ свои труды въ серьёзномъ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ наше время нѣтъ

нужды предупреждать читателей на счет пошлости фельетоновъ И. Ч-р-н-к-н-ж-н-к-ва, на счет безобразій г. Гымалэ и т. д. Ничего этого не нужно; ни объ чемъ объ этомъ говорить уже не стоитъ — и слава Богу, что ничего этого не нужно, слава Богу, что ни объ чемъ объ этомъ говорить не стоитъ.

За то стало нужно, положительно нужно говорить о томъ, что и всегда стоило разговора, но къ разговору о чемъ, какъ настоящей потребности, могло приготовить читающую массу послѣднее десятилѣтіе...

Тѣмъ господамъ, которые съ постояннымъ злорадствомъ доказываютъ намъ, что развитіе наше пуфъ, что мы «не созрѣли», мы, не впадая нисколько въ другую крайность, т. е. не вдаваясь въ восторженную пѣсню:

Мы созрѣли, мы созрѣли!..

укажемъ только съ скромностью на несомнѣнный фактъ распространяющейся

любви къ знакомству съ нашимъ историческимъ и народнымъ бытомъ, на матеріальный успѣхъ честныхъ учено-литературныхъ предпріятій и на совершенный упадокъ всѣхъ спекуляцій въ подобныхъ дѣлахъ. Замѣтите, что мы скромно говоримъ о распространеніи любви къ знакомству съ дѣломъ и дѣльнымъ — а не о любви къ изученію. До любви къ изученію, не мы одни достигаемъ не скоро; на первый разъ достаточно и любви къ знакомству, видимо распространяющейся до того, что это знакомство съ дѣломъ и дѣльнымъ, преимущественно же съ нашимъ бытомъ народнымъ и съ нашею исторіею, начинаетъ уже становиться нѣкоторымъ образомъ обязательнымъ пунктомъ образованія. Какъ именно, въ какой мѣрѣ и степени начинаетъ, это другой вопросъ: несомнѣнно только то, что начинаетъ?

Первый вопросъ, который невольно возникаетъ въ умѣ, тотчасъ же по засвидѣтельствованіи факта и его несомнѣннаго бытія, это, — чему мы обязаны такимъ въ высокой степени

дѣльнымъ настроивомъ мысли и вкуса, наукѣ и литературѣ, той или другой преимущественно, той ли и другой вмѣстѣ.

Разрѣшить вопросъ казенно–примиряющимъ образомъ, сказать что той и другой вмѣстѣ, было бы дѣло самое безопасное и главное, самое приличное. Но вѣдь не всякое примиреніе — истинно, а слѣдственно и не всякое хорошо, потому что хороша на свѣтѣ только истина.

Если предложить вопросъ этотъ нѣкоторымъ изъ органовъ нашего развитія, т. е. журналовъ, учено–литературныхъ (о просто ученыхъ мы ужъ и не говоримъ), литературно–ученыхъ, просто литературныхъ, каждый изъ нихъ отвѣтитъ сообразно съ своими вкусами и наклонностями, или, говоря языкомъ сороковыхъ годовъ, «субъективно». «Русскій Вѣстникъ» напримѣръ, журналъ достойный величайшаго уваженія за серьезность своего взгляда вообще и политическаго въ особенности, но пренебрегавшій литературою цѣлыхъ шесть лѣтъ, пренебрегавшій ею такъ явно, что на

ряду съ повѣстями Тургенева и Крестовскаго помѣщаль съ какимъ-то необъяснимымъ усердіемъ повѣсти г-жи Нарской и другихъ госпожъ... «Русскій Вѣстникъ», не смотря на то, что милостиво обѣщаль принять съ нынѣшняго года и бѣдную литературу подъ свое покровительство — извѣстно какъ отвѣтить на нашъ вопросъ, если удостоить обратить на него вниманіе. Вкусъ его, не смотря на строгій отзывъ, касающійся литературы, нисколько не измѣнился какъ видно изъ литературныхъ перловъ, помѣщенныхъ въ его вышедшихъ въ настоящемъ году книжкахъ, перловъ, стоящихъ въ своемъ родѣ и прошлогодней повѣсти: «Пустушково» и литературныхъ перловъ прежнихъ лѣтъ. Стало быть и отвѣтитъ онъ, смотря свысока на литературу, — отвѣтитъ, что ученое направленіе вообще и (подразумѣвается) его направленіе въ особенности содѣйствовали главнымъ образомъ нашему развитію.

«Отечественныя Записки» — чтобы идти послѣдовательно по стопамъ

проговорившагося статьей о Пушкинѣ г. Дудышкина и дополнившаго его мысль г. Гымалэ, должны радикально отвергнуть всякое серьёзное вліяніе, на развитіе наше литературы, не народной и стало быть несуществовавшей самобытно до напечатанія сказокъ г. Аѳанасьевымъ и «Сборника пѣсень» (въ «Отеч. Зап.») г. Якушкинымъ... «Современникъ», если тоже захочетъ быть послѣдователемъ, то хоть и рѣшитъ можетъ быть въ милостивый часъ дѣло въ пользу литературы — но во первыхъ надъ самымъ фактомъ нашего развитія насмѣется какъ надъ вздоромъ, а во вторыхъ тутъ же, благо рука расходилась, похеритъ значеніе всей нашей литературы usque ad гг. Щедрина и Некрасова. Что касается до другихъ органовъ нашего развитія, то «Вѣкъ» напимѣръ припишетъ пожалуй поворотъ нашъ къ знакомству съ серьёзнымъ, — фельетонамъ И. Ч-р-н-к-н-ж-н-к-ва. Въ сущности же, вопросъ останется покрытымъ «мракомъ неизвѣстности» какъ выражался покойный учебникъ Кайданова

обо всѣхъ вовсе неизвѣстныхъ или мало ему извѣстныхъ предметахъ.

Не беремся и мы совершенно порѣшить этотъ вопросъ — а желаемъ только указаніемъ на факты вывести его изъ кайдановскаго мрака неизвѣстности, желаемъ, потому что придаемъ ему большое значеніе. Глубоко уважая науку, мы все-таки видимъ въ ней дѣло болѣе специальное, болѣе такъ сказать аристократическое сравнительно съ великой обобщительницей идей — литературою и думаемъ, что инициатива развитія принадлежитъ ей — не то что преимущественно, а исключительно. Мы даже, да простить намъ «Русскій Вѣстникъ», такъ твердо вѣруемъ въ нее какъ въ народный и вѣчный органъ духовнаго развитія, что не признаемъ такихъ эпохъ, когда ея интересы могутъ быть совершенно покидаемы для другихъ высшихъ интересовъ — и видимъ въ пренебреженіи къ ней, даже временномъ, ни болѣе ни менѣе какъ произволь теорій, хотя и ученыхъ, но всегда узкихъ

сравнительно съ безграничною жизнью, которой органомъ литература, — какъ бы она съ точки зрѣнія теорій ни была маловажна, не переставала и не перестаетъ никогда быть, по своему народному, общедоступному и симпатичному существу. Таково наше мнѣніе или лучше сказать наше исповѣданіе. Но дѣло не въ немъ конечно, дѣло въ фактахъ, т. е. въ томъ: будутъ ли на нашей сторонѣ факты?

Въ настоящемъ библиографическомъ обзорѣ нашемъ мы сгруппировали въ заглавіи нѣсколько изслѣдованій и памятниковъ, относящихся къ одному предмету, къ нашей народной словесности и къ нашему быту...

Припомните положеніе этого дѣла, не говоря уже за *пятидесятъ*, даже за *десять* лѣтъ назадъ. Мы не наминаемъ чисто отрицательныхъ статей Бѣлинскаго, и чисто же отрицательнаго направленія сороковыхъ годовъ, статей о нашей народной словесности по поводу сборника Кирши Данилова и сказаній г. Сахарова, рѣзкихъ выходокъ покойнаго великаго критика и

вождя нашего противъ народной поэзіи вообще, противъ славянской народной поэзіи въ особенности, его горькихъ обличеній нашей русской народной поэзіи въ грубости и татарствѣ, не напоминаемъ потому, что раскрывши любой изъ послѣднихъ пяти томовъ Бѣлинскаго, читатели непременно встрѣтятся съ однимъ изъ подобныхъ взглядовъ, въ свое время и съ извѣстной точки правыхъ, выраженныхъ всегда съ честною прямою и удивительною энергіей... Нѣтъ! возьмите дѣло въ началѣ пятидесятихъ годовъ, когда Бѣлинскаго уже не стало — а взгляды его, лишонные энергіи, продолжали повторяться. Припомните — чтъ писалось критиками «Отечественныхъ Записокъ» и даже «Современника», о русскомъ народномъ бытѣ, по поводу драмъ Островскаго, въ особенности на примѣръ по поводу «Не такъ живи какъ хочется»; припомните какъ глумились надъ честнымъ и даровито-выполненнымъ дѣломъ Н. В. Берга, находя крайне смѣшнымъ, что онъ собирается «пропѣть намъ пѣсни всего

міра»; его вѣдь чуть что не вызывали поэтому поводу пропѣть ихъ съ пляскою — также точно неблагопристойно, какъ въ наше время «Вѣкъ» приглашалъ г-жу Толмачеву прочесть съ «вызывающими» жестами одно стихотвореніе Пушкина, — забывая въ своемъ наивномъ глумленіи, что до г. Берга еще великій Гердеръ «спѣлъ» уже Германіи «пѣсни всего міра.» Припомните какъ г. Егуновъ уничтожалъ всю древнюю русскую торговлю, какъ г. Аѳанасьевъ, нынѣ весьма дѣльно и полезно занятый собираніемъ сказокъ и легендъ нашего народа, сочинялъ по Гримму боговъ кочерги и ухвата. Припомните всѣ послѣдствія теоріи родового быта, послѣдствія, отъ которыхъ видимо отступился одинъ изъ отцовъ ея, добросовѣстный и даровитый К. Д. Кавелинъ и которыхъ упорно держится доселѣ г. Соловьевъ... Припомните, однимъ словомъ, въ обшихъ чертахъ положеніе вопроса о нашей народности и объ изученіи нашего народнаго быта, о нашей народной поэзіи, о

нашихъ вѣрованіяхъ, повѣрьяхъ, обрядахъ и преданіяхъ, и оцѣните успѣхи нашего времени, великій шагъ нашего народнаго сознанія.

Кто не привыкъ, — говоритъ блистательнѣйшій представитель научнаго знакомства нашей эпохи съ нашимъ народнымъ бытомъ, *Ө. И. Буслаевъ* (Ист. оч. Р. нар. Слов. Т. I. стр. 55), — отдавать себѣ отчета въ сокровенныхъ побужденіяхъ наружныхъ явленій, тотъ легко объяснить себѣ рѣзкую откровенность и грубую простоту эпической поэзіи, отсутствіемъ нравственнаго чувства, *принявъ за это послѣднее, условныя свѣтскіе приемы, и даже подкрѣпитъ свое мнѣніе какою нибудь пѣснею новѣйшаго изданія, дѣйствительно пошлою и грязною.* Но если взять въ соображеніе, что старинная эпопея возникаетъ и раскрывается въ продолженіе вѣковъ, что каждое поколѣніе бережетъ и лелѣетъ ее, какъ лучшее свое достояніе, и что такъ называемое дурное направленіе возникаетъ въ литературѣ большею частью уже отъ лица, отъ

произвола частнаго, а не отъ всеобщаго нравственнаго расположенія, то едвали возможно допустить въ эпической самородной поэзіи *не только рѣшительное оскорбленіе нравственнаго чувства, но даже и малѣйшее намѣренное уклоненіе отъ добра и правды.* И въ изустной, словестности, безъ сомнѣнія, могли тогда слагаться пѣсни, оскорбляющія нравственность, но онѣ не расходились далѣе той волости, гдѣ пѣль ихъ самъ сочинитель и никогда не доживали до послѣдующаго поколѣнія, умирая вмѣстѣ съ своимъ виновникомъ. «Все минется» говоритъ народъ — «одна правда остается» — а пѣсня — правда. Какъ бездарность, такъ и всякое личное зло и всякій произволь, эпическая поэзія, въ своемъ вѣковомъ теченіи, отъ себя отбрасывала, подобно тѣмъ озерамъ, которыя будто-бы не терпятъ на днѣ своемъ никакой нечистоты и постоянно извѣргаютъ ее на берегъ...

Пѣсня, сказка, поэтическое преданье старины, — говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ

же даровитый и глубокомысленный изслѣдователь (Т. I. стр. 308), — дорожъ народу не потому только, что забавляютъ въ досужее время, даютъ пищу праздному воображенію, ласкаютъ слухъ складными звуками, однимъ словомъ — не потому, *чтобъ народъ находилъ въ произведеніяхъ своей безыскусственной поэзіи, удовлетворенье только однимъ эстетическимъ стремленьемъ и позывамъ.* Въ этихъ произведеніяхъ онъ чувствуетъ какъ бы дополненіе всему нравственному существу своему, *потому что они срослись въ его сердце со всѣми лучшими, задушевными его помыслами, мечтами и впрованьями; потому въ нихъ находить онъ уже готовое выраженіе тѣхъ сокровенныхъ духовныхъ началъ, которыя ему становятся доступны и ясны только в этой внѣшней, уже установившейся, окрѣпшей формѣ. Это его старина и преданіе, изъ которыхъ сложились первыя основы его нравственной фізіономіи. Это духовная собственность всѣхъ и каждаго.* Кто поетъ пѣсни или рассказываетъ сказку,

тому она и принадлежит какъ его литературная собственность, *потому что онъ и самъ подумалъ бы и сказалъ бы точно также, еслибъ старина не подслужалась ему готовымъ выраженіемъ.* Поэтическое творчество цѣлыхъ массъ или поколѣній и творчество отдѣльныхъ личностей, сливаются въ этомъ всеохватывающемъ широкомъ потокѣ народной поэзіи. Пѣвецъ или разскащикъ что нибудь иногда прибавитъ и отъ себя, но такъ, что ни онъ самъ того не замѣтитъ, ни другіе, точно такъ какъ отъ избытка сердца слагается новое слово, мѣткое и бойкое; совершенно свѣжее, но уже изъ готовыхъ въ языкѣ этимологическихъ данныхъ.

Вдумываясь глубже въ общій смыслъ народной поэзіи, мы должны признать за нею высокое назначеніе. Она сопутствуетъ народамъ на тяжоломъ историческомъ поприщѣ, и вѣчно юная и свѣжая — постоянно питаетъ въ нихъ высокія стремленія въ область идей; *она убѣждаетъ всякаго, что техническое настроеніе есть одна изъ*

необходимѣйшихъ, непреходящихъ потребностей духовной жизни, какое бы направленіе въ теченіе вѣковъ она ни получила, хотя бы даже исключительно практическое.

Едва ли нужно припоминать и пояснять на сколько этотъ глубокій и сочувствующій взглядъ на народную поэзію вообще, взглядъ, прилагаемый г. Буслаевымъ съ любовью и къ нашей народной поэзіи, далекъ отъ взглядовъ на это дѣло критики сороковыхъ годовъ. Разница неизмѣримая... Въ настоящую минуту скорѣе возможна другая крайность, именно взглядъ, ставящій непосредственную, такъ сказать растительную поэзію выше художественной, искусственной, и притомъ возможенъ не у фанатическихъ адептовъ народности вообще и нашей народности въ особенности, а у глубокомысленныхъ и вполне добросовѣстныхъ изслѣдователей, многосторонне смотрящихъ на предметъ, какъ г. Буслаевъ, который смотритъ на народную поэзію, какъ на нѣчто органическое. Для него, народная поэзія

какъ старина и преданье, какъ вѣрованіе и обычай, выше всякаго вымысла, внѣ всякаго подозрѣнія въ неправдѣ и обманѣ. Онъ даже выражаетъ часто какую-то не любовь къ поэзіи искусственной, сопоставляя съ ней растительную, народную поэзію.

Народная поэзія, — говоритъ онъ между прочимъ (Т. I стран. 407.), будучи главнымъ, существеннымъ и преимущественнымъ выраженіемъ эпическаго творчества, предлагаетъ безспорно самые лучшіе образцы эпическаго стиля, какихъ не найдемъ ни у Виргилія, ни у Аріоста или Тасса. Но кромѣ того, сверхъ этихъ видовыхъ свойствъ эпическаго стиля, она *неограничительна* относительно поэтическихъ достоинствъ вообще...

И за тѣмъ, подкрѣпивъ свой взглядъ мнѣніемъ знаменитаго Я. Гримма, ученый нашъ замѣчаетъ, относительно поэзіи искусственной, что она можетъ быть лучше или хуже, смотря по личнымъ дарованіямъ поэта, по его направленію и т. д.

Поэзія народная, — продолжаетъ онъ, — *разумѣется чисто народная, а не испорченная фабричными или лакейскими передѣлками* — во всѣхъ отношеніяхъ хороша, потомучто она *естественна*; потомучто, будучи *выраженіемъ творческаго духа всего народа, свободно выливалась она изъ устъ цѣлыхъ поколѣній. Къ ней не прикоснулось никакое личное соображеніе. Красота ея есть такое же независимое отъ личной искусственности, отъ случайной прикрасы явленіе, какъ и красота самой природы.* И какъ произведенія природы потому только прекрасны, что это качество *согласно съ ихъ внутреннимъ организмомъ, совсѣмъ существомъ ихъ*: такъ и изящество народной поэзіи есть необходимое выраженіе самаго содержанія, самаго мѣта или преданія и кроющейся въ нихъ мысли или основного нравственнаго чувства: потомучто безыскусственная поэзія всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ высоко нравственна, точно также какъ в природѣ

физической здоровье, необходимое условие красоты.

Тѣмъ же самымъ взглядомъ на народную поэзію проникнуть какъ видно, въ настоящую минуту и А. Н. Афанасьевъ, — нѣкогда сочинявшій боговъ кочерги и ухвата, нынѣ добросовѣстно и полезно занятый собираніемъ матеріаловъ народнаго быта. Вотъ что говоритъ онъ на примѣръ въ предисловіи къ своему собранію сказокъ (Вып. I. Предисл. стр. XVII.), явно на основаніи тѣхъ же самыхъ началъ, которыя руководили г. Буслаева въ его изданіяхъ:

Составляя вмѣстѣ съ «былинами» отрывки стариннаго эпоса, сказки уже потому самому запечатлѣны прочнымъ художественнымъ достоинствомъ. Въ доисторическую эпоху своего развитія, народъ необходимо является поэтомъ. Обогащая природу, онъ видитъ въ ней живое существо, отзывающееся на всякую радость и горе. Погруженный въ созерцаніе ея торжественныхъ явленій и исключительныхъ силъ, народъ всѣ свои убѣжденія, вѣрованія и наблюденіе

воплощаетъ въ живые поэтическіе образы и высказываетъ въ одной неумолкаемой, отличающейся ровнымъ и спокойнымъ взглядомъ на весь міръ.

Народныя русскія сказки проникнуты всѣми особенностями эпической поэзіи: тотъ же свѣтлый и спокойный тонъ; таже неподражаемая искусственность описать всякій предметъ и всякое явленіе по впечатлѣнію, производимому ими на душу человѣка; таже обрядность, высказывающаяся въ повтореніи обычныхъ эпитетовъ, выраженій и цѣлыхъ описаній и сценъ и т. д.

Повторяемъ опять: какъ далекъ этотъ взглядъ отъ взгляда сороковыхъ годовъ — взгляда, который въ сущности былъ только прямымъ результатомъ отрицанія всего природнаго, непосредственнаго въ пользу и во имя отвлеченнаго духа съ его прогрессомъ, отрицанія, послѣдовательно выразившагося у Бѣлинскаго фразой, что «гвоздь выкованный рукою человѣка лучше и дороже лучшаго цвѣтка природы». Перечтите, если желаете провѣрить взглядъ

сороковыхъ годовъ во всѣхъ его приложеніяхъ и послѣдствіяхъ — то что онъ говоритъ на примѣръ о народной поэзіи славянскихъ племенъ (Т. IV. стран. 106.), то, что онъ говоритъ въ своей капитальной статьѣ о русской народной поэзіи (Т. V. стран. 1.), что говоритъ онъ объ индѣйской эпической поэзіи (Т. IX. стран. 76.), чтобы видѣть до какихъ нелѣпостей доходилъ отрицательный взглядъ. Еще въ 1840 году, соблюдая еще нѣкоторую умѣренность, Бѣлинскій выражаетъ мнѣніе, что иностранныя литературы должны остаться и всегда останутся предметомъ предпочтительнаго вниманія, потому что общеміровое всегда будетъ выше частнаго, а художественная поэзія выше естественной или такъ называемой народной... Въ капитальной же статьѣ своей, онъ проводитъ свой взглядъ съ такою послѣдовательностью, которая исчерпываетъ его до крайнихъ крайностей.

Что же — приходимъ опять, къ поставленному нами вопросу — что подорвало отрицательный взглядъ, что дало

такую повсемѣстную силу, такой исключительный перевѣсъ другому взгляду, взгляду, который не можетъ быть названъ иначе какъ органическимъ — взгляду, съ такой глубиною проводимому г. Буслаевымъ въ его изслѣдованіяхъ? Наука или литература?

Органическій взглядъ имѣеть у насъ также точно какъ и взглядъ отрицательный, также точно какъ и взглядъ положительный свою исторію, свои зародыши, свои первыя формаціи. Собственно говоря, онъ возникъ единовременно съ отрицательнымъ взглядомъ, возникъ изъ одного источника, но на время затаился и развивался совершенно въ тишинѣ, совершенно изолированно. Вотъ это—то обстоятельство и бросаетъ, кажется намъ, свѣтъ на поставленный нами вопросъ.

Органическій взглядъ высказался еще въ 1839 году, въ первомъ году возобновленныхъ «Отечественныхъ Записокъ» и притомъ высказался не какъ

робкое усиліе, не какъ несложившійся зародышъ, а блистательно и полно, хотя еще молодо, въ статьѣ о русской народной поэзіи. Имя ея автора не тайна въ кругу литературномъ, но все—таки мы не имѣемъ права назвать его до тѣхъ поръ, пока самъ онъ не объявитъ себя авторомъ этого, хотя и юношескаго, но превосходнаго труда. Статья эта до сихъ поръ не потеряла своей цѣны — до сихъ поръ одна только съ полнотою обнимаетъ вопросъ о нашей поэзіи и заключаетъ въ себѣ, словно въ зернѣ — всѣ послѣдствія органическаго взгляда на народную поэзію въ особенности. Тотъ же самый взглядъ сказывался и въ диссертаци г. Каткова, и въ диссертаци г. Буслаева и, съ примѣсью нѣкоторой односторонности и многихъ увлеченій, въ филологическихъ трудахъ покойнаго К. С. Аксакова, глумиться надъ которыми могутъ позволить себѣ только фельетонные поэты по своему невѣжеству. Съ этимъ же взглядомъ родственны и глубокомысленныя, геніальныя, хотъ иногда парадоксальныя, историческія и

филологическія идеи покойнаго Хомякова... Однимъ словомъ, взглядъ этотъ вовсе не есть что-либо новое, и въ настоящую минуту мы свидѣтельствуемъ и заявляемъ только побѣду его а не бытіе.

Отъ чего же побѣда эта совершилась только теперь, отъ чего въ тиши и незамѣтно созрѣвалъ и развивался органической взглядъ, не смотря на научную даровитость нѣкоторыхъ его представителей (Хомяковъ, Катковъ, Буслаевъ), на добросовѣстныя работы другихъ?

Пока живъ былъ принципъ отрицательнаго взгляда, органическому взгляду, хотя и существовавшему и постепенно созрѣвавшему, не было и не могло быть никакого хода.

Принципъ отрицательнаго взгляда, принципъ отрицанія всего мѣстнаго и народнаго въ пользу общечеловѣческаго, всего природнаго, непосредственнаго — въ пользу *выкованнаго* духомъ, цвѣтка въ пользу гвоздя — принципъ исторической, нравственной, эстетической и наконецъ

общественной (пожертвованіе Турціи славянствомъ и жертва имъ же австрійскому жандарму) централизаціи, былъ принципъ односторонне-понятаго гегелизма.

Силу въ жизни имѣютъ только цѣлостныя, всеохватывающія вѣянія жизни — философія и искусство. Пока гегелизмъ лѣвой стороны былъ единственнымъ вѣяніемъ жизни, съ его словомъ прогресса, съ его пожирающимъ какъ древній Кроносъ чадъ своихъ «Gott im Werden», и пока противъ него стоялъ только гегелизмъ правой стороны, наслѣдовавшій отъ великаго учителя только букву, никакое другое слово кромѣ слова прогресса не было и не могло быть живымъ словомъ.

Слово же прогресса — *последовательно*, есть слово вѣчнаго, никогда по сущности своей не успокоивающагося отрицанія, а *ограниченно*, — слово теоріи а не жизни. Абстрактное чудовище челоуѣчества (не челоуѣчности, не души челоуѣческой а челоуѣчества какъ рода), требовало жертвъ никакъ не менѣе древняго Ваала. Мудрено

ли, что наивнѣйшаго, искреннѣйшаго и жизненнѣйшаго представителя этого взгляда — Бѣлинскаго, порою, когда онъ предается всѣмъ послѣдствіямъ отрицательнаго, централизованнаго взгляда, оставляетъ даже самое блистательное свойство его природы, эстетическое чувство! Обращаемъ въ этомъ отношеніи вниманіе читателей нашихъ на разборъ его индѣйской поэмы: «Наль и Дамаянти»...

Что касается до самой поэмы, — говоритъ онъ (Т. IX. стран. 76) она — *индѣйская въ полномъ значеніи слова. Въ ней дѣйствуютъ боги, люди и животныя. Боги какъ двѣ капли воды похожи на людей, а люди, ни дать ни взять — тоже животныя. Такъ напримѣръ, гуси играютъ въ поэмѣ такую роль, что безъ нихъ не было бы и поэмы. И эти гуси говорятъ и мыслятъ точь въ точь какъ люди, а эти люди въ свою очередь говорятъ и мыслятъ точь въ точь какъ гуси. Гуси здѣсь не глупѣе людей, а люди не умнѣе гусей и т. д.*

Такое непониманіе народовъ и поэзіи народовъ было только послѣдствіемъ принципа.

Выдохся и вымеръ самый принципъ, потрясенный въ своей сущности возродившимся въ новыхъ формахъ шеллингизмомъ. Явился, какъ вѣяніе, какъ сила и органическій взглядъ, которому суждено можетъ быть раскрыть безпредѣльную, но нѣсколько смутную глубину этой бездны свѣта, которая сказавшись сначала системою трансцендентальнаго идеализма — вызвала какъ свое полное діалектическое развитіе гегелизмъ (но не гегелистовъ), а какъ философія природы указала только пока еще путь человѣческому мышленію, ибо и философію мифологіи и «Philosophie der Offenbarung» нельзя еще считать пока ничѣмъ инымъ, какъ «зіяніемъ бездны», молніею, озаряющею намъ путь...

Стало быть, къ чему мы и вели главнымъ образомъ дѣло — побѣда органическаго взгляда совершена *во-первыхъ*

философскою революціею, паденіемъ одной системы и первымъ проблескомъ иной.

Во-вторыхъ, но и *во-вторыхъ* — совершена она столь же органическимъ, растительнымъ явленіемъ — литературою. Любовь и сочувствіе къ быту народному, къ поэзіи народа, къ преданіямъ и вѣрованіямъ народа, не могла быть возбуждена почастными, хотя и въ высокой степени замѣчательными соображеніями и изслѣдованіями, а представленіями болѣе или менѣе цѣлостными, художественнымъ пониманіемъ народа и народности.

Торжеству органическаго взгляда, интересу, принимаемому теперь всѣми образованными людьми въ изученіи народа, его быта, поэзіи, преданій, содѣйствовалъ литературный переворотъ пятидесятихъ годовъ, переворотъ, во главѣ котораго стоитъ имя Островскаго, какъ единственнаго до сихъ поръ поэта народныхъ созерцаній и народныхъ образовъ. Вотъ почему между прочимъ, мы и ставимъ Островскаго со всѣми его недостатками, которые мы видимъ можетъ

быть больше другихъ, на совершенно особенное мѣсто въ современной литературѣ; почему въ его новомъ словѣ цѣнимъ равно и ясно — отрицательныя (но никакъ не обличительныя) и широкія, но еще не вполне выяснившіяся положительныя стороны. Вотъ почему кромѣ Островскаго, въ другихъ дѣятеляхъ нашей эпохи, какъ на примѣръ въ даровитомъ Л. Меѣ, мы слѣдимъ съ такою любовью эти положительныя стороны. Это уже не надежда, даже не задатки раскрытія нашей народной сущности, нѣтъ, — это уже прямыя художественныя данныя, цѣликомъ долженствующія войти въ наше развитіе, факты завоеванія нами нашей личности, самостоятельности, народности, единственные наши, послѣ Пушкина и вмѣстѣ съ Пушкинымъ, вполне народныя литературныя факты.

Обращаясь къ сочиненіямъ, подавшимъ намъ поводъ къ изложенію нашихъ взглядовъ на значеніе, въ развитіи нашемъ,

изученія родного нашего быта, мы, по *формѣ* должны раздѣлить ихъ на 1) изслѣдованія (сочиненія г. Буслаева, г. Шевырева) и 2) на памятники и по духу тоже на двѣ категоріи: 1) на изданія и изслѣдованія отмѣченныя положительнымъ славянофильскимъ взглядомъ, и притомъ а) славянофильскимъ въ его смутномъ, неочищенномъ видѣ, какъ «Исторія словесности» г. Шевырева, и б) славянофильскимъ въ его окончательно—опредѣлившемся чистомъ видѣ (Пѣсни Кирѣевскаго, Калѣки г. Безсонова, Русскія пѣсни г-жи Кохановской съ примѣчаніями редакціи «Русской Бесѣды». 2) На изслѣдованія и изданія, представляющія собою результаты торжества органическаго взгляда на народъ, народный бытъ, народную поэзію, изслѣдованія и изданія, болѣе или менѣе замѣчательныя, но свободно ли сознательно, какъ книга г. Буслаева, подчиненно ли сознательно какъ трудъ г. Аѳанасьева, наконецъ безсознательно ли выражающія собою этотъ органическій взглядъ.

Въ замѣчаніяхъ нашихъ, какъ библиографическихъ, мы будемъ по необходимости кратки.

Начнемъ съ первой категоріи явленій:

Славянофильскій взглядъ на народъ, его бытъ, исторію, преданія, поэзію — взглядъ, хотя и несравненно справедливѣйшій нежели взглядъ отрицательный, въ сущности сходенъ съ симъ послѣднимъ тѣмъ, что онъ точно также теоретическій. Славянофильство теперь уже точно такое же историческое явленіе, какъ и западничество, не брало народъ, какимъ онъ является въ жизни, а искало въ немъ всегда своего *идеальнаго* народа, обрѣзывало по условной мѣркѣ побѣги этой громадной растительной жизни. Славянофильство въ своемъ теоретическомъ ослѣпленіи подавало руку шишковизму, который вель прямо къ «Маяку» и «Домашней Бесѣдѣ»; славянофильство не любитъ въ сущности Пушкина, такъ же точно, какъ г. —бовъ съ одной стороны и г. Аскоченскій съ другой, и можетъ быть до сихъ поръ еще чуждается

современной народной литературы, во главѣ которой стоитъ Островскій. По крайней мѣрѣ, оно ни разу не выражало къ ней, къ этой новой литературѣ своего сочувствія. Къ народу и къ народному быту относилось это, впрочемъ весьма почтенное и много добраго сдѣлавшее направленіе, учительно и даже иногда исправительно. *Своего, идеальнаго* народа оно отыскивало только въ до-Петровскомъ быту и въ степяхъ, которыхъ не коснулась еще до сихъ поръ реформа. Купеческаго сословія, т. е. той среды, въ которой народное развилось вполне самостоятельно въ хорошемъ и дурномъ, въ типическомъ и уродливомъ, въ жизненной, хотя изолированной, (отчего и уродства), полнотѣ и въ жизненномъ же безобразіи, оно не признавало какъ существеннаго явленія, оно знало только старое боярство и степное крестьянство, стремясь отождествить въ началахъ два эти явленія въ сущности разнородныя, одно — отжившее, другое совсѣмъ не жившее...

Замѣчательно странно, назидательно и исправительно сказалось это направленіе въ

отношеніи къ народному быту, въ «Русской Бесѣдѣ» 1856 года, въ статьѣ г. Т. Филипова о драмѣ Островскаго «Не такъ живи какъ хочется»... Вотъ ужъ подлинно, *жизни* въ этой статьѣ говорилось, не такъ живи какъ хочется, а живи какъ мы велимъ. На одной пѣснѣ, которой въ народной поэзіи найдется десять противорѣчащихъ, говорящихъ и про гульбу:

Вешнюю ночку, весь денёчикъ
Осеннюю ночку до свѣточку

и про лихую свекровь и про свекра,
который

меня молоду домой кличетъ...

Ужь ты кличь не кличь, я домой не буду,
Буду ль нѣтъ ли я, завтра поутру

на одной пѣснѣ, да и притомъ порѣшающей дѣло только фактами, между прочимъ даже и надеждами не совсѣмъ нравственными, въ родѣ того что

**Свекровь кропотлива
Сама въ землю пльдетъ...**

строилась цѣлая теорія тупой покорности, какъ идеальнаго начала семьи и быта народнаго...

Эта статья явно въ свое время поднявшая скандалъ, была, статья неофита. Но славянофильство и въ 1860 году осталось вѣрнымъ своей любви къ тому ложу прокруста, на которое клало оно и до котораго дотягивало или по которому обрѣзывало народъ и народность.

Въ «Бесѣдѣ» 1860 года, въ двухъ книжкахъ 1-й и 2-й напечатаны двѣ статьи одного изъ первостепенныхъ талантовъ нашей эпохи, ярко даровитой и глубоко-симпатизирующей народу и народности г-жи Кохановской, статьи о русскихъ пѣсняхъ («Нѣсколько русскихъ пѣсень» въ Томѣ I-мъ, и «Боярскія пѣсни» въ Томѣ II-мъ). Статья г-жи Кохановской сама по себѣ принадлежитъ какъ и самый ея талантъ, къ новому органически-жизненному направленію. Пѣсни сообщала

она, не мудрствуя лукаво, объясняя только ихъ поэтически, высказывая въ своихъ объясненіяхъ и удивительную тонкость чутья и самую широкую любовь къ народу. Первую изъ этихъ статей редакція «Русской Бесѣды» снабдила примѣчаніемъ и въ одномъ изъ примѣчаній, наивнѣйшимъ образомъ высказались садовники, обрѣзывающіе произвольные побѣги растенія. Дѣло въ томъ, изволите видѣть, что въ собраніи г-жи Кохановской встрѣтилась пѣсня, рѣшительно неподходящая подь теорію безстрастія, трагическая до мрака и ужаса, пѣсня о мести красной дѣвицы, которая собираясь мстить своему милому, говоритъ:

Я изъ рукъ, изъ ногъ
коровать смощу,
Изъ буйной головы
яндову скую,
Изъ глазъ его я чару
солью,
Изъ мяса его пироговъ
напеку;

А изъ сала его я свѣчей
налью;

Созову я бесѣду
подружекъ своихъ,

Я подружекъ своихъ и
сестрицу его,

Загадаю загадку
неотгадливую:

Ой и что таково:

На мильмъ я сижу,

На мильва гляжу,

Я милЦмъ подношу,

Мцлымъ подчиваю;

А и миль передо

мною,

Что свѣчею

горить?..

Пѣсня дѣйствительно изъ ряду вонъ;
пѣсня, наводящая на мысль, что и у насъ,
какъ въ грѣшной западной жизни бывали
временами элементы страстности,
доходящiе до чудовищности и звѣрства, что
и у насъ пожалуй въ трагическія минуты
возможна какая нибудь *Theroigne de*

Mirescourt... Пѣсня удивительно поясняетъ узакониваетъ какъ жизненные элементы не людоѣдство конечно, но страстность многихъ нашихъ великихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, кровавыя желанія Алеко, лихорадочную жажду крови въ «Братьяхъ разбойникахъ», звѣрскіе инстинкты Мцыри, холодное наслажденіе образомъ смерти въ бояринѣ Оршѣ, и поясняетъ же необузданность страстныхъ порывовъ «Страшнаго гаданья» и «Муллы Нура» Бестужева, вакханаліи страстности въ Полежаевѣ, но за то разбиваетъ всѣ теоріи о безстрастномъ смиреніи. замѣтите еще, что чувство мести, выраженное здѣсь въ чудовищнѣйшей формѣ, въ формахъ иныхъ, такъ сказать потише выражается и въ другихъ пѣсняхъ: о красной дѣвицѣ на примѣръ, собирающейся высушить милаго не зельями, не кореньями, а своими горячими слезами; замѣтите, что само славянофильство приводитъ пѣсню тоже не очень нѣжную, и послѣ этого, поймите что нибудь, если вы только добровольно не закроете себѣ глазъ теоріею, поймите что

нибудь въ слѣдующемъ замѣчаніи къ пѣснѣ, сдѣланномъ редакціею «Бесѣды». А замѣчаніе подписано буквами: А. Х. да и по глубокомысленному, ловкому, хотя ничего не объясняющему космогоническому софизму, не трудно отгадать въ немъ широкій и блестящій умъ знаменитаго главы партіи:

Странная пѣсня, — такъ гласитъ примѣчаніе, — и уродливая во всѣхъ отношеніяхъ. ⁽¹⁾ Отрицать ея подлинности нельзя ⁽²⁾ хотя бы даже она была только мѣстною, но такая же точно пѣсня записана и въ другихъ мѣстностяхъ, ⁽³⁾ слѣдовательно она довольно общая въ Великорусской землѣ. Предполагать позднѣйшее изобрѣтеніе нѣтъ причинъ, ни по тону, ни по содержанию; окончаніе загадки даже какъ будто указываетъ на древность. ⁽⁴⁾ Что же это такое? ⁽⁵⁾ Гнусное выраженіе злой страсти,

⁽¹⁾ Не споримъ, что уродливая, да чтожь дѣлать-то? съ тѣмъ и возьмите!

⁽²⁾ Ахъ, какъ это жалко!

⁽³⁾ Это ужасно!!!

⁽⁴⁾ Засвидѣтельствованіе въ высшей степени добросовѣстное.

⁽⁵⁾ Во всякомъ случаѣ — нѣчто.

доведенной до изступленія? ⁽⁶⁾ Тонъ вовсе не носить на себѣ отпечатокъ страсти и его холодность дѣлаетъ пѣсню еще отвратительнѣе. ⁽⁷⁾ Сравнимъ съ нею разбойничью пѣсню, кончающуюся стихами:

На ножѣ сердце
встрепенулося
Красна дѣвица
усмѣхнулася...

и разница станетъ очень явною. Какъ пѣсня, эта пѣсня не имѣетъ никакого смысла, ни объясненія: она невозможна психически и невозможна даже въ художественномъ отношеніи. Какъ же объяснить ея существованіе? Просто тѣмъ, что она вовсе не пѣсня въ смыслѣ бытовомъ.

⁽⁶⁾ Безъ сомнѣнія.

⁽⁷⁾ Можетъ быть, но за то дѣлаетъ ее пѣсню сѣверной, великорусской, и можетъ быть указываетъ на органичность, національность холодной страстности Лермонтова, на психическую возможность лютостей Грознаго, на адскія наслажденія муками Куролесова, на страшныя явленія временъ Стеньки и Пугачовщины и т. д. и т. д.

Далѣ кажется служеніе теоріи идти не можетъ. Пѣсня, признаваемая самими комментаторами *несомнѣнно подлинною, довольно общою* въ Великорусской землѣ, въ тоже самое время объявляется *невозможною психически, невозможною въ художественномъ отношеніи*, наконецъ *вовсе не пѣсней* (съ прибавкою таинственнаго слова: въ смыслѣ бытовомъ).

Мы не выписываемъ остроумнаго, обличающаго глубокую ученость, но въ особенности *необыкновенную софистическую ловкость, космогоническаго толкованія пѣсни*. Мы хотѣли только наглядно указать на существенный порокъ направленія, которое тѣмъ не менѣе мы уважаемъ едва ли не болѣе всѣхъ другихъ, долго существовавшихъ теоретическихъ направленій, и котораго самые промахи поучительны, потому что и самые промахи происходили изъ источника любви и уваженія къ народу.

Сказанное нами преимущественно относится къ совершенно—чистому и опредѣленно *высказавшемуся*

славянофильству, къ славянофильству, высказавшемуся въ дѣятельности Хомякова, двухъ Кирѣевскихъ (И. В. и П. В.), Аксаковыхъ — К. С. и И. С. Аксаковыхъ (ибо Аксаковъ—отецъ, авторъ «Семейной хроники» — просто русскій художникъ, а не теоретикъ) и нѣкоторыхъ другихъ писателей, болѣе или менѣе тождественныхъ съ ними по взгляду (А. И. Кошелева, какъ политико—эконома, П. А. Безсонова, Н. П. Г—ва). Погодинъ, явленіе совершенно особое и самостоятельное, самъ глава направленія во многомъ расходящегося съ славянофильствомъ — хотъ глава, не всегда сознательный, не всегда смѣло и прямо примыкавшій къ тому направленію, которое смѣло и прямо признавало его главою *quand même*, вопреки пожалуй даже ему самому, т. е. тѣмъ страннымъ предразсудкамъ, которые оригинальнѣйшимъ образомъ соединялись въ его взглядѣ историческомъ и общественномъ съ самымъ широкимъ и жизненнымъ захватомъ, вопреки тому мнѣнію, которое составлялось о немъ часто

въ кружкахъ, по однимъ его предразсудкамъ...

Это же самое направленіе, къ которому принадлежали, по сколько могутъ принадлежать вообще къ какому-либо направленію художники, Островскій, Писемскій, Мей, заявляло временами сочувствіе и къ дѣятельности С. П. Шевырева.

Говоря по поводу разныхъ изданій, касающихся быта народнаго, народной словесности вообще и поэзіи народной въ особенности, мы не можемъ миновать вопроса о дѣятельности г. Шевырева. Прежде всего мы скажемъ честно, что по отношенію къ его, во всякомъ случаѣ добросовѣстному, хотя и одностороннему по мысли труду — труду, написанному съ огромной начитанностью и съ безспорною даровитостью, служащими къ сожалѣнію рабски и почти постоянно самому узкому воззрѣнію, мы не дѣлимъ ни озлобленія доктринеровъ, ни легкаго тона нашихъ пародистовъ. Для насъ и для нашего журнала все это уже древняя исторія, къ

которой мы относимся очень спокойно. Мнѣніе наше объ этомъ трудѣ совершенно сходится съ безпристрастнымъ и благороднымъ взглядомъ, высказываемымъ г. Буслаевымъ — авторитетомъ (если ужь нужны непременно авторитеты), въ дѣлѣ изученія русской древней словесности и русскаго быта, самымъ серьезнымъ въ настоящую минуту. Совершенно разбивая по мѣстамъ критическую методу г. Шевырева, авторъ «Историческихъ очерковъ народной словесности и искусства», умѣетъ удержаться всегда въ границахъ должнаго уваженія къ добросовѣстности, трудолюбію и начитанности историка русской словесности, и конечно только такого рода критическому отношенію, къ почтенному и полезному, хоть и одностороннему по мысли труду, могутъ сочувствовать серьезные люди.

Что касается до самыхъ «Историческихъ очерковъ русской народности и искусства» г. Буслаева, то мы, не намѣреваясь теперь дѣлать серьезную критическую оцѣнку

этому капитальному сочиненію, позволяемъ однако себѣ нѣсколько замѣчаній.

Нѣкогда а именно въ 1840 году, въ критической рецензіи на книжку «Повѣсти и преданія народовъ славянскаго племени», изданныя И. Боричевскимъ, покойный Бѣлинскій замѣчалъ между прочимъ слѣдующее (соч. Бѣл. т. IV, стран. 106).

Кажется излишнее пристрастіе къ народнымъ произведеніямъ славянской фантазіи, заставило г. Боричевскаго отыскивать сходство въ народныхъ славянскихъ повѣрьяхъ и преданіяхъ съ скандинавскими; но приведенные имъ примѣры только доказываютъ ихъ несходство. *Если хотите, тутъ есть что-то похожее на сходство;* но все близкое къ своему источнику, болѣе или менѣе сходно, и потому славянскія преданія и повѣрья сходны не только съ скандинавскими, но и съ индѣйскими, египетскими и т. д.

Время перемѣнилось. Какъ смутныя предчувствія покойнаго Венелина разрослись въ научно-ясныя положенія о

старобытности славянъ великаго Шафарика, такъ и намеки г. Боричевского, уже не намеки, а завоеванные факты въ трудахъ **Ө. И. Буслаева**, факты неопровержимые, хотя часто и поражающіе еще своей новостью. Одна изъ великихъ заслугъ ученой дѣятельности автора «Очерковъ», — введеніе славянской поэзіи, славянскихъ преданій, славянскаго быта, въ родственные имъ циклы. Другая, столь же огромная заслуга ея заключается въ удивительно ясномъ и даровитомъ разложеніи всего непосредственнаго и растительнаго на органическіе законы. Глубокое изученіе съ одной стороны и необыкновенное чутье съ другой, сообщаютъ высокое значеніе книгъ г. Буслаева, которую можно упрекнуть только въ томъ, что она не популярна, что она требуетъ самаго серьезнаго чтенія, но въ сущности и этотъ упрекъ будетъ справедливъ только вполвину, только какъ желаніе, чтобы даровитый изслѣдователь написалъ для публики книгу болѣе доступную, книгу систематическую. Этого

мы въ правѣ желать, судя по той удивительной ясности и простотѣ, съ которою авторъ излагаетъ по мѣстамъ различныя стороны своего общаго взгляда на народную словесность и искусство. Свѣтлыя идеи его, облегченныя нѣсколько отъ тяжелой арматуры специализма, принесли бы массѣ въ дѣлѣ пониманія народнаго вообще и нашего народнаго въ особенности, неизмѣримую пользу.

И въ особенности теперь настоятельно нужна общедоступная пропаганда органическаго взгляда... Мы нарочно въ самомъ заглавіи нашей статьи выписали значительную массу сочиненій и изданій памятниковъ. Руководная нить для знакомства съ ними, необходима, а общая потребность этого знакомства — фактъ очевидный. Все это раскупается, стало-быть, повторимъ въ заключеніе, если и не всѣми покупающими изучается, то по крайней мѣрѣ просматривается съ сочувствіемъ.
